

Глава 46. Злобные соседи

Цю Хуанянь увидел серьёзность во взгляде Цзюцзю и, после недолгого колебания, решил довериться ей, предоставив пространство для самостоятельного выстраивания дружеских отношений.

Последние дни на хлопковых полях кипела работа. Юноша нанял троих работников, и теперь, помимо ежедневного удаления лишних ветвей и листьев для контроля роста, приходилось время от времени опрыскивать растения биоферментом, уничтожать хлопковую совку у куч с укусным осадком и поливать землю.

Сам он тоже не сидел без дела. Хоть хозяин дома и не трудился в поле, но каждый день вёл записи о росте хлопка и разрабатывал контрольные эксперименты, чтобы найти оптимальный метод выращивания. В его кабинете уже скопилась толстая стопка рукописей на бамбуковой бумаге.

Для Цю Хуаняня это тоже было в новинку. Без всемогущего интернета приходилось шаг за шагом исследовать всё самостоятельно. В этих делах его главной опорой стало системное мышление, выработанное в прошлой жизни.

Он создавал многочисленные таблицы для сбора данных и выявления закономерностей, использовал линейные и столбчатые диаграммы для наглядной демонстрации состояния посевов. Ду Юньсэ проявил к этому большой интерес и по собственной инициативе многому научился у супруга.

— Если бы эти методы можно было распространить по всем провинциям и уездам, эффективность работы управлений возросла бы в несколько раз, а казне стало бы намного проще проверять местные финансы, — размышлял Ду Юньсэ, глядя на то, как Цю Хуанянь занимается расчётами, и думая о вещах куда более далёких.

— Это будет сложно, если только кто-нибудь не станет усиленно это продвигать.

Оказавшись в древности, юноша всё яснее осознавал важность современных технологий передачи информации. Если фундамент развития цивилизации — это производительность, то распространение информации — это необходимое условие для возведения общества на этом фундаменте.

К примеру, сейчас они находились в уезде Чжан. Чтобы отправить письмо У Шэню, который находился в той же провинции Ляочжоу, требовалось три-четыре дня. Чтобы доставить письмо в столицу — полмесяца. А чтобы отправить весточку на юг, даже каналов не найти. Государственная почта была быстрее, но не настолько, чтобы это имело принципиальное значение.

В истории было немного мудрецов, чьи реформы увенчались долгосрочным успехом.

Возможно, одной из причин было то, что указы не могли по-настоящему дойти до каждого уголка страны. Как бы хорошо всё ни было продумано на бумаге, если исполнение было неполным и с потерями, всё было напрасно.

Для реформ нужен был выдающийся и дальновидный лидер, группа единомышленников и достаточно решительный и сильный просвещённый правитель. Всё это для них было ещё очень далеко.

Но «далеко» не означало, что нужно предаваться пустым мечтам или сдаваться. Цю Хуанянь помнил о стремлениях, которыми Ду Юньсэ поделился с ним у ручья за деревней, когда только вернулся.

«Совершенствуй себя, управляй семьёй... а затем — страной и Поднебесной»

У Ду Юньсэ были великие устремления, и Цю Хуанянь тоже хотел сделать что-то для людей этого мира. Они будут шаг за шагом двигаться к этой далёкой цели.

В последующие дни каждые три дня за Цзюцзю приезжала повозка из поместья Сун, чтобы забрать её на уроки игры на цине. Госпожа Сун отыскала цитру, на которой в детстве играла её дочь, и подарила её девочке. Инструмент был изготовлен знаменитым мастером с юга. Его корпус был немного короче обычного, с лёгким зеленоватым отливом. На левой стороне деки перламутром были инкрустированы тринадцать отметок-хуэй, а на хвосте выгравировано имя — «Дянь Ю» (Касание сокровенного).

Цзюцзю души не чаяла в этой цитре. Привезя её домой, она каждое утро и каждый вечер упражнялась по полчаса. Цю Хуанянь взглянул на её нотную тетрадь и обнаружил, что знаки в ней хоть и походили на иероглифы, но не являлись ими. Один знак состоял из цифры с добавленным снизу ключом «дерево», другой напоминал иероглиф «пион», третий — «безбрежный», а в некоторых цифры стояли внизу. Вариантов было множество.

Это была уникальная нотация для гуциня, где причудливые знаки указывали, в каком месте нужно прижимать струны, а также подразумевали, какую технику следует использовать: вибрато, трение, толчок, щипок, скольжение вверх, вниз или быстрый переход.

После объяснений подопечной Цю Хуанянь понял, как читать ноты, но музыкальные инструменты его не слишком интересовали, да и времени на обучение не было, поэтому, удовлетворив любопытство, он больше к этой теме не возвращался.

Хотя учиться музыке ему было неинтересно, слушать её было приятно. Цзюцзю училась быстро и уже через несколько дней могла извлекать из цитры мелодичные звуки. Каждый день юноша слушал доносящиеся со двора чистые и возвышенные звуки гуциня, и летняя духота переставала его раздражать.

После периода цветения на хлопке начали формироваться коробочки. Зеленоватые, они тяжело висели на ветвях, радуя глаз. Благодаря хорошему уходу на каждом кусте завязалось как минимум по три коробочки.

Из-за холодного климата провинции Ляочжоу хлопок рос медленно, поэтому эти коробочки считались «предлетними», то есть теми, что в обычных условиях должны были появиться до наступления самых жарких дней. Предлетние коробочки были лишь началом и составляли всего около десяти процентов от общего урожая, но их появление означало, что растения развиваются нормально, и можно надеяться на хороший урожай.

«Ранние предлетние коробочки, летние — полны до пояса, осенние — покрывают верхушку» — вот идеальный сценарий роста хлопка, когда все три волны успешно созревают.

С появлением коробочек хлопковая совка стала ещё более свирепой. Если раньше биофермент распыляли каждые пять дней, то теперь пришлось сократить интервал до трёх. Уксусный осадок у полей тоже нужно было менять каждые три дня, а каждую ночь отправляться на уничтожение вредителей.

Эти процедуры не требовали больших денег, но были чрезвычайно трудоёмкими и кропотливыми, утомительнее, чем выращивание риса или пшеницы. Хотя хлопок приносил больше дохода, труд крестьян увеличивался в несколько раз. Семья с обычным числом работников без найма помощников могла справиться лишь с одним-двумя му земли.

В период цветения Цю Хуанянь намеренно не удобрял хлопковое поле, потому что подкормка в это время лишь стимулировала бы рост ветвей, уменьшая количество цветов. Но когда начали завязываться коробочки, большая часть питательных веществ уходила к ним. В это время разумная подкормка могла помочь сформироваться большему количеству крупных коробочек.

Летние коробочки, следующие за предлетними, составляли более семидесяти процентов всего урожая, так что пренебрегать этим было нельзя.

Посоветовавшись с Юньсэ, Цю Хуанянь купил партию извести, смешал её с органическим удобрением и за несколько дней подкормил все три му земли.

Незаметно минула половина лета, и осень стала подбираться всё ближе. На большой груше в саду за домом созрел первый урожай.

Рано утром Цю Хуанянь собрал упавшие и подгнившие плоды для мула, а целые груши наполнили большую часть корзины. Он решил раздать их соседям, с которыми был в хороших отношениях, чтобы те попробовали.

Юноша отправил Цзюцзю к главе клана и Вэй Люхуа, а Чуньшэна — к тётушке Цюань и в несколько других домов. Сам же он пошёл к ближайшим соседям.

Подойдя к дому вдовы Чжуан, Цю Хуанянь услышал из-за ограды несколько голосов.

Вдова Чжуан жила одна уже много лет, её единственная дочь вышла замуж и уехала далеко. Половина земли, на которой сейчас стоял дом Цю Хуаняня, была куплена у неё, поэтому их ворота находились совсем рядом.

Цю Хуанянь постучал. Из-за треснувшей дощатой двери выглянула незнакомая девочка с цветным шнурком в волосах. Она смерила гостя взглядом с ног до головы и, загоразивая проход, крикнула вглубь двора: — Бабушка, тут кто-то пришёл!

Его оставили ждать снаружи. Он переложил корзину с грушами в другую руку. Он не собирался обижаться на ребёнка из-за такой мелочи и терпеливо ждал, пока выйдет хозяйка дома.

Через некоторое время вдова Чжуан, отряхивая руки от земли, поспешила к воротам. Увидев соседа, она тут же заулыбалась: — Братец Хуа, как ты здесь оказался? Входи скорее. Я тут за домом лук копала, не слышала, что ты пришёл.

— На нашей груше созрел урожай, я принёс тётушке попробовать.

В деревне было обычным делом обмениваться домашними продуктами с добрыми соседями. Вдова Чжуан тоже угощала Цю Хуаняня молодой капустой со своего огорода.

Женщина легонько подтолкнула стоявшую у двери девочку и пригласила гостя войти: — Братец Хуа, входи, выпей воды перед уходом.

Девочка нахмурилась, отряхнула пыль с розового платья, фыркнула и убежала.

Вдова Чжуан смущённо улыбнулась: — Братец Хуа, не обижайся. Юйчуань избаловали, я потом скажу её матери, чтобы поговорила с ней.

— Это внучка тётушки?

— Да. Мой зять приехал в уезд Чжан по делам, вот и привёз их с дочерью погостить. У меня тут всё старое, а Юйчуань с детства не знала трудностей, вот и не хочет здесь оставаться.

Хозяйка дома неловко потёрла руки. Костяшки на её пальцах были крупными, кожа в трещинах потемнела, а толстые мозоли отливали мутно-жёлтым, напоминая уродливые наросты.

Эта рука, по сравнению с нежной кожей внучки, казалось, принадлежала человеку из другого мира.

— Ребёнок ещё мал, поживёт несколько дней и привыкнет, — утешил её Цю Хуанянь. — Я не буду заходить, у тётушки теперь большая семья. Возьмите эти груши на всех, корзину потом вернёте.

Вдова Чжуан с корзиной, наполовину полной сочных груш, вернулась во двор. Её дочь Цзыжун, причёсываясь, вышла из главного дома.

— Кто это был?

— Братец Хуа из дома твоего дяди Баояня, принёс нам груш, — с улыбкой объяснила мать.

Цзыжун спросила: — Это те, что живут в большом доме по соседству?

— Да. Ты давно не была здесь и не знаешь. Братец Хуа такой способный.

Дочь опустила глаза, взглянув на корзину в руках матери. — Какое мне дело до его способностей? Такой богатый, а принёс такую дрянь.

Улыбка застыла на лице вдовы Чжуан. Она открыла рот, чтобы возразить: — Это просто знак добрососедства. Мы ведь ничем ему не помогли. Даже если бы братец Хуа принёс что-то дорогое, у меня бы совести не хватило взять.

— Вот поэтому у тебя и нет хватки, — фыркнула Цзыжун. — Не говоря уже о другом, половина земли под их новым домом — наша. Я смотрела, если они захотят расширяться, им удобнее всего будет купить наш сад. А ты и не подумала попросить побольше денег. Полтора ляна серебра — что на них купишь?

Вдова Чжуан пробормотала: — Это и так очень справедливая цена. Му поливных земель стоит всего три ляна. Я и не ожидала, что братец Хуа даст полтора ляна за наш захудалый садик.

Но Цзыжун лишь закатила глаза. — Подумай сама, если бы ему не горело, стал бы он давать полтора ляна? Судя по виду дома, у него в кармане не меньше двадцати-тридцати лянов. Если бы ты тогда упёрлась и не продавала, могла бы выторговать ещё три-четыре ляна.

Хозяйка дома поспешила её прервать: — Цзыжун, перестань так говорить! Если другие в деревне услышат, будут за спиной кости перемывать!

Та скривила губы, бросила гребень на кан в доме, взяла из корзины грушу, ополоснула водой и, откусив пару раз, выбросила в курятник у стены.

— Подумаешь, какое сокровище, стоило из-за этого приходить.

Около десяти часов утра приехала повозка из поместья Сун, чтобы привезти Чи Цинхэ. У ворот Цяоинь первой спрыгнула с повозки, поставила скамеечку и помогла госпоже сойти. Кучер же привычно отвёл повозку в сад за домом.

Ду Юньсэ обычно занимался с детьми после обеда, выделяя на это полтора часа. Чи Цинхэ, приехав утром, сначала отправлялась с Цзюцзю в западный флигель, где они играли на цине и вышивали, болтая о своём. Цяоинь же относилa привезённые продукты на кухню и помогала Цю Хуаняню готовить.

Проводя время с подругой, юноша понял, что она действительно очень умная и талантливая девушка. Она знала толк в цине, шахматах, каллиграфии и живописи, а также много рассказывала об обычаях и нравах юга. Цзюцзю узнавала от неё много нового и интересного и постепенно очень с ней сдружилась. Чи Цинхэ, благодарная за спасение, со временем тоже полюбила Цзюцзю за её зрелый и рассудительный характер и стала заботиться о ней, как старшая сестра.

Будь то игра в шахматы, на цине, отгадывание загадок или состязания на травах — всему, чему хотела научиться Цзюцзю, Чи Цинхэ её учила. Только в поэзии, как бы девочка ни спрашивала, гостья упорно твердила, что ничего в этом не смыслит, и не произносила ни строчки.

Но во время чтения и письма Чи Цинхэ вела себя так, будто прекрасно разбирается в поэзии.

Цзюцзю и раньше знала, что у подруги есть много тайн. Она не привыкла лезть не в своё дело, но теперь, когда они стали близкими людьми, она невольно начала за неё беспокоиться.

К сожалению, Чи Цинхэ молчала, и Цзюцзю не осмеливалась расспрашивать, держа свои переживания при себе и стараясь в будничных делах хоть как-то её порадовать.

Закончив упражняться на цине и исправив под руководством наставницы несколько приёмов игры, девочка убрала «Дянь Ю» в шёлковый мешочек и осторожно поставила на подставку.

— Сегодня братец Хуа собрал свежие груши. Пойдём поедим, а потом поищем в кабинете книги для чтения.

Цзюцзю вымыла несколько груш и разложила их на столе в главной комнате, чтобы можно было брать, когда захочется. Чи Цинхэ взяла одну и откусила. Сладкий, с лёгкой кислинкой сок брызнул в рот, а хрустящая мякоть так и просила откусить ещё.

— Ну как, вкусно? Как по сравнению с южными?

— Северные груши намного крупнее южных. Хоть мякоть и не такая нежная, зато они более

хрустящие, как горы и воды севера, — вздохнула гостья и, быстро опомнившись, улыбнулась. — Вкусно. Я хочу привезти немного тёте и дяде.

Цзюцзю тоже улыбнулась.

— Этих груш можно полкорзины за несколько дней набрать. Когда будешь уезжать, я тебе соберу.

Поев груш и вымыв руки, они отправились в кабинет. Ду Юньсэ ушёл по делам, Цю Хуаняня тоже не было. Девочка сняла с книжной полки покрывало. Некоторые книги стояли слишком высоко, и Чи Цинхэ подошла ей помочь.

— Братец Хуа сказал, что мы можем брать любые книги с полки, но нужно быть осторожными. Некоторые из них — это копии древних книг, которые старший брат привёз из столицы. Если испортим, новых не достать...

Цзюцзю заметила, что гостья застыла на месте. Её рука, поднятая к полке, замерла.

— Сестра Цинхэ? — неуверенно позвала она.

Та не двигалась. Девочка привстала на цыпочки, пытаясь разглядеть, что находится на самой верхней полке, но видела лишь очертания одной книги.

— Сестра Цинхэ!

Чи Цинхэ наконец очнулась и, растерянно опустив покрывало, спросила: — Что такое?

— Я хотела спросить, как тебе этот сборник эссе? Я знаю мало иероглифов, мне нужна будет твоя помощь.

Подруга рассеянно взглянула на книгу в руках Цзюцзю и машинально согласилась: — Хорошо, давай его почитаем.

Девочка закусила губу и не стала спрашивать, о чём та думала. Она решила, что, когда Чи Цинхэ уедет, она принесёт стул и посмотрит, что стоит на верхней полке.

После обеда, закончив занятия с Ду Юньсэ, Чи Цинхэ нужно было уезжать. Городок Таохуа находился на определённом расстоянии от деревни Ду, и молодой девушке было небезопасно возвращаться слишком поздно.

После ухода подруги Цзюцзю, выбрав момент, когда в кабинете никого не было, сняла с

верхней полки ту самую книгу, которую видела днём.

«„Неспешные записки с Чистого пруда“... Сборник стихов?»

Иероглифы на обложке были несложными, и Цзюцзю их все знала. Хотя Цю Хуанянь сказал, что можно брать любые книги, она понимала: раз братец Хуа поставил эту книгу на самую верхнюю полку, он, скорее всего, не хотел, чтобы они её часто брали.

Книги на нижних полках ещё не были дочитаны, и у девочки не было особого любопытства к тому, что наверху. Она не трогала их раньше. Увидев, что там стоит сборник стихов, она удивилась.

Сестра Цинхэ так сторонится поэзии, даже когда старший брат учит их рифмовать, она выбирает самые простые и банальные фразы. Почему же она так отреагировала на сборник стихов?

Цзюцзю запомнила это и поставила книгу на место.

Пока было ещё не поздно, она положила в корзину вышитый платок и нитки и решила пойти к невестке Люхуа, чтобы поучиться вышивке.

Девочка с корзинкой вышла со двора и, пройдя несколько шагов, наткнулась на незнакомую девочку лет одиннадцати-двенадцати.

— Эй, деревенщина, куда идёшь?

Цзюцзю посмотрела, откуда она вышла. — Ты из дома тётушки Чжуан?

Девочка задрала острый подбородок, и красный шнурок в её волосах качнулся. — Меня зовут Бай Юйчуань. А тебя?

Цзюцзю едва заметно нахмурилась. — Я Цзюцзю.

Юйчуань фыркнула, ещё выше задрала подбородок. — У тебя даже нормального имени нет? Имя как у служанки. Я видела, дом у вас неплохо построен, а всё равно мужланы.

Лицо Цзюцзю мгновенно похолодело. Она пристально посмотрела на обидчицу.

— Я родилась в один из дней „Девяти девяток“ — тех самых, о которых поётся в песне. Мои родные дали мне это имя, вкладывая в него особый смысл: „Когда закончатся холода, расцветёт персик“. Ты сама ничего не понимаешь, как ты смеешь судить об именах других?

— К тому же, даже если человека зовут Котик или Собачка, если его близкие назвали его так с любовью, это прекрасное имя, и посторонним не пристало его обсуждать. Ты с ходу унижаешь имя другого человека, это и есть твоё „не мужланское“ воспитание? Тогда я лучше буду мужланкой, чтобы не якшаться с тобой.

— Ты! Ты... — Юйчуань не ожидала, что Цзюцзю окажется такой языкастой. Она говорила быстро, много и так убедительно, что заносчивая гостья не могла найти, что возразить.

Что происходит? Бабушка же говорила, что Цзюцзю из соседнего дома очень робкая и боится незнакомцев, даже слова сказать не может!

— Ты ещё что-то хочешь сказать? Я слушаю, — сказала девочка с гневом во взгляде, не отступая ни на шаг.

Юйчуань схватила с земли камень и бросила его прямо в лицо Цзюцзю. Та увернулась, но камень всё же задел плечо, оставив жгучую боль.

— Чем ты гордишься! Мой... мой отец служит у князя в столице! Одно его слово — и вы все на колени встанете! Жди... вот увидишь!

Выкрикнув угрозу, Юйчуань с плачем убежала в дом вдовы Чжуан и с грохотом захлопнула за собой ветхую деревянную дверь.

После ужина Ду Юньсэ убирал посуду, а Цю Хуанянь беседовал с ним в главной комнате, когда к ним вошла обеспокоенная Цзюцзю.

— Цзюцзю, у тебя какое-то дело к брату?

Малышка, кусая губы, спросила: — Старший брат, ты знаешь, сколько князей в столице?

Ду Юньсэ и Цю Хуанянь переглянулись. Глава дома, подумав, ответил: — В столице сейчас только двое могут называться князьями: старший брат нынешнего государя, Пинсянь-ван, и недавно пожалованный титулом третий принц, Цзинь-ван.

Хотя Ду Юньсэ находился далеко, в деревне Ду уезда Чжан, он поддерживал связь с У Шэнем и время от времени встречался с уездным судьёй Ваном и Цзюйжэнем Суном, поэтому был в курсе важных событий в столице, в том числе и о пожаловании титула третьему принцу.

— Князья... они ведь очень, очень могущественные?

— А что ты считаешь могуществом?

— Ну, как в историях, которые рассказывают сказители на ярмарке. Могут запросто казнить кого угодно... Я слышала, в соседнем уезде была одна девушка, которая стала наложницей во дворце. Её забрал какой-то князь, и когда он её забирал, вся семья её жениха погибла...

История о наложнице из соседнего уезда была широко известна в уезде Чжан. Целая семья погибла за одну ночь, да ещё и с далёким и непостижимым дворцом дело связано — идеальная тема для пересудов за чашкой чая.

Встретив выжидающий взгляд Цзюцзю, Ду Юньсэ медленно кивнул. — Хотя в стране есть законы, но... если князь захочет убить несколько простолюдинов, это действительно очень легко.

Цю Хуанянь увидел, что девочка вот-вот расплачется, и, сжалившись, притянул её к себе и погладил по голове. — Что случилось с нашей Цзюцзю? Почему вдруг такие вопросы?

— Я... я...

Малышка, уткнувшись в объятия Цю Хуаняня, рассказала о дневном происшествии и в конце с тревогой спросила: — Хоть эта Бай Юйчуань и очень противная, но вдруг она сказала правду... Братец Хуа, я, кажется, натворила бед?

Юноша на мгновение задумался, а потом с улыбкой легкомысленно сказал: — Цзюцзю, подумай сама, если бы отец Бай Юйчуань был таким могущественным, почему тётушка Чжуан до сих пор живёт в деревне Ду и не построила новый дом?

— А ещё сравни Бай Юйчуань со своей сестрой Цинхэ, похожа ли она на девушку из знатной семьи?

— Бай Юйчуань просто где-то услышала о князьях в столице и в гневе решила тебя напугать. Не верь ей!

Увидев, что девочка всё ещё обеспокоенно смотрит в пол, Цю Хуанянь беспомощно покачал головой и, понизив голос, с улыбкой сказал: — К тому же, если её отец и могуществен, разве брат Цзюцзю не могуществен? Братец Хуа откроет тебе секрет. Помнишь дядюшку Шилиу, который недавно у нас гостил? Происхождение дядюшки Шилиу ничуть не уступает князьям из столицы.

«Происхождение дядюшки Шилиу настолько значимо?»

Цзюцзю от удивления широко раскрыла глаза. Её так напугал какой-то призрачный «князь из столицы», о котором говорила Бай Юйчуань, а оказывается, как сказал братец Хуа, она уже

давно жила рядом с человеком не менее знатного происхождения.

— История о дядюшке Шилиу — это секрет. Братец Хуа рассказал Цзюцзю, а ты ведь никому не расскажешь, правда?

— Я поняла, никому не скажу! — серьёзно кивнула Цзюцзю. Она не будет болтать языком, как эта Бай Юйчуань!

Девочка наконец успокоилась и ушла. Цю Хуанянь, проводив её взглядом до двери западного флигеля, стёр с лица беззаботную улыбку и, нахмурившись, спросил Ду Юньсэ: — Юньсэ, как ты думаешь, в этом деле... есть доля правды?

<http://bllate.org/book/15363/1417076>